

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ПРИБАВЛЕНІЯ
КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ
ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

Декабря 15-го № 24. 1866 года.

— *Содержаніе.* — Климента, Александрійскаго пресвитера, Стромать (т. е. Узоровъ) книга первая. (Продолж.). — Замѣтки для родителей и воспитателей. (Продолж.) — Оглавленіе статей, содержащихся въ «Воронежскихъ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ» за 1866 годъ.

Климента, Александрійскаго пресвитера,
СТРОМАТЬ (Т. Е. УЗОРОВЪ) КНИГА ПЕРВАЯ.
(Продолженіе).

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

О томъ, что искусство софистики и другія, занимающіяся только внѣшней красотою рѣчи, не должны быть считаемы за полезныя.

А что касается искусства софистики, которою хвалятся греки, какъ великою вещью, то она есть сила воображаемая только, которая ложныя мысли, посредствомъ сочетанія словъ, выдаетъ за истину. Для убѣжденія софистика пользуется риторикою (искусствомъ говорить), а для состязанія, еристикою (искусствомъ спорить); но эти искусства, если не со-

единяются съ философіею (¹), гибельны для всякаго. Посему и Платонъ явно называлъ софистику «худую наукою» (²); а за нимъ Аристотель именуеть ее «воровскою наукою» (³), потому что посредствомъ вѣроятностей (πιδανώτ) похищаетъ и присвоиваетъ себѣ все дѣло философiи, и вѣщаетъ о мудрости, о которой не заботится, и незанимается ею. И кратко сказать: какъ точка отправленiя въ искусствѣ говорить—правдоподобность (τὸ πιθανόν), а дѣло (занятiе)—доказыванiе (τὸ ἐπιχειρήμα), и цѣль—убѣжденiе; такъ началомъ искусства спорить (ерестики) служитъ мнимое (τὸ δόξαν), занятiе—оспариванiе, цѣль—побѣда. Подобно и началомъ софистики служитъ видимость (τὸ φαινόμενον), а способъ разсужденiя двоякій; одинъ заимствуется изъ риторики, и это—безостановочная рѣчь (τὸ διεξοδικόν), а другой, т. е. спрашиванiе,—изъ діалектики; цѣль же софистики—возбудить изумленiе (ἐκπλήξις). Да и самая діалектика, процвѣтавъ въ школахъ, есть упражненiе философа въ томъ, что мнимо (γύμνασμα περὶ τὸ ἔυδοξον), для укрѣпленiя въ искусствѣ противорѣчить.

Но во всѣхъ этихъ искусствахъ никогда нѣтъ истины. Справедливо, посему, апостоль избранный, (Дѣян. 9—15), ни во что ставя излишнiя сiи искусства въ подборѣ рѣченiй, говорить: «кто не слѣду-

(¹) Потому что философія даетъ истинное направленiе всѣмъ искусствамъ и наукамъ, указываетъ имъ крайнюю цѣль всего—истину и приближенiе къ Источнику истины.

(²) Κακοτεχνία... Платонъ разоблачаетъ софистику особенно въ своихъ разговорахъ «Софистъ», «Меннонъ» и «Гезететь».

(³) Потому что, присвоивая себѣ имя мудрости, богатѣеть не своимъ добромъ. Aristot. in Elenchis.

еть здоровымъ словесамъ, тотъ надмѣвается какимъ нибудь ученіемъ, ничего не знаетъ, но зараженъ страстію къ состязаніямъ и словопрѣніямъ, отъ которыхъ происходятъ зависть, распри, злорѣчія, лукавыя подозрѣнія, пустые споры между людьми поврежденнаго ума, чуждыми истины» (1 Тим. 6, 3—5). Видишь, какъ онъ вооружается на нихъ, называя «болѣзнію» (4) ихъ логику, хотя софисты—какъ греки, такъ и варвары—превозносятся ею, и любятъ ее. Значить, прекрасно трагикъ Еврипидъ (5) сказалъ въ «Финикійкахъ»: «что касается несправедливаго слова, то недугующій имъ нуждается въ леченіи отъ людей мудрыхъ». *Здравымъ* (у апостола) названо ученіе спасающее (6), которое есть самая Истина; а то, что отдѣляется отъ здраваго и божественнаго, есть нечестіе и болѣзнь смертоносная.

Таковые люди (т. е. занимающіеся науками, въ которыхъ незамѣтно благочестія) суть волки хищные, прикрытые овечьими кожами, ворующіе людей, красноглаголивые оболъстители душъ, которые хоть тайно крадутъ, но обличаются, какъ воры (Мѡ. 7, 15), которые стараются хитростію и насиліемъ одолѣть насъ, какъ немощнѣйшихъ въ словѣ (сн. 2 Кор. 11, 6. 1 Кор. 2—1).

Часто человѣкъ, необработанною рѣчью

Выражая правду, успѣваетъ меньше краснорѣчивъ.

Теперь въ потокахъ слова скрываютъ истину,

Чтобъ не казалось истинною то, что истинно,

(4) Въ словахъ — надмѣвается, *τετόφωται*...

(5) Еврипидъ, трагикъ.

(6) т. е. христіанское; какъ истинное и здоровое, оно *пребываетъ во овки* (1 Петр. 1, 25).

говорить трагедія (7). Таковы сіи спорщики, принадлежать ли они къ школамъ философскимъ, или упражняются только въ діалектическихъ тонкостяхъ. Это люди, которые ткутъ и ничего не выткутъ, съ ревностію взявшіеся за пустой трудъ, называемый у Апостола лежею человѣческою и хитрымъ искусствомъ оболъщенія (Еф. 4, 14); ибо, говоритъ, есть много непокорныхъ, пустослововъ и обманщиковъ (Тит. 1, 10). Значить (8), не всѣмъ сказано: *вы есте соль земли* (Мѡ. 5—13); потому что нѣкоторые изъ слышателей слова (Христового) подобны морскимъ рыбамъ, которыя, хотя отъ самаго рожденія пребываютъ въ соленой водѣ, требуютъ соли для приправы (и предохраненія отъ гнили). Поэтому я весьма охотно ссылаюсь на трагедію, въ которой говорится (9):

Чадо! хорошо обработанная рѣчь

Бываетъ и ложна, хоть красотами

Побѣждаетъ истину. Но не это—самое лучшее,

А природа и справедливость! Пусть сильный языкомъ

И ученымъ считается: но я всегда

Дѣла предпочитаю словамъ.

Итакъ, не слѣдуетъ хлопотать о томъ, чтобъ нравиться многимъ; ибо, въ чемъ они упражняются, тѣмъ мы незанимаемся, а что знаемъ мы, то далеко отъ ихъ ощущенія и расположенія. Апостоль говоритъ: *небываемъ тщеславни, другъ друга раздражающе,*

(7) Трагедія «Александра», писанная Еврипидомъ.

(8) Если есть оболъстители, то, значить, не всѣ люди — соль земли, и, далѣе, не всѣ, именующіеся христіанами, обладаютъ довлѣющею мудростію.

(9) Это стихи изъ трагедіи неизвѣстнаго поэта.

друг другу завидяще (Гал. 5, 26). И любитель истины, Платонъ, какъ бы по внушенію свыше, говоритъ: «я не повѣрю никакому доводу, кромѣ того, который, по обсужденіи, представится мнѣ наилучшимъ» (10). Посему и порицаетъ тѣхъ, которые вѣрятъ мнѣніямъ другихъ безъ размышленія и дознанія, такъ какъ не нужно, оставивши правильную и здравую мысль, довѣрять такой, которая заключаетъ въ себѣ ложь. И не добро — уклоняться отъ истины, и хорошо — говорить и мыслить истину. А люди теряютъ благо (11) не добровольно, но или будучи обмануты, или оболъстившись суевѣріями, или принужденные невѣрить, или неповѣрившіе. Но кто повѣрилъ лжи, тотъ уже довольно погибаетъ; обманывается же тотъ, кто принялъ чужое убѣжденіе, забывши, что у человѣка не разсуждающаго иное отнимается временемъ, а иное разсудительностію другихъ. А принуждаетъ часто (терять благо) скорбь и досада, распря и гнѣвъ. Наконецъ — оболъщаются призраками тѣ, которые или увлечены страстью, или потрясены страхомъ. Все это — уклоненія, противныя естеству воли, и ничего подобнаго никогда не случается съ знаніемъ (12).

(Продолж. будетъ).

(10) Подобное говор. Сократъ въ Платоновомъ разговорѣ «Критонъ».

(11) Благо, т. е. истину и знаніе истины, *теряютъ недобровольно* въ томъ смыслѣ, что никто отъ природы не желаетъ быть злымъ и не устремляется намѣренно ко лжи; никто не желаетъ быть обманутымъ.

(12) Знаніемъ, т. о. христіанскимъ, которое неподвержено измѣненіямъ, подобно выводамъ человѣческой мудрости.

Замѣтки для родителей и воспитателей.

(Продолженіе).

Дитя растеть. Ему уже 4-й годъ пошелъ. Чрезъ годъ-два оно должно приняться за азбуку, — за «ученье». Эти-то два года, 5-й и 6-й, родители должны употребить на особенное и тщательное развитіе внѣшнихъ чувствъ дитяти. Они должны очень хорошо знать всю важность въ дѣлѣ образованія внѣшнихъ чувствъ, отъ исправнаго отправленія которыхъ зависитъ правильная дѣятельность и умственныхъ способностей. Занятіе специальнымъ развитіемъ всѣхъ внѣшнихъ чувствъ дитяти и должно послужить самымъ лучшимъ подготовленіемъ ребенка къ будущему умственному развитію. Итакъ родители и воспитатели съ любовію и терпѣніемъ должны внимательно слѣдить за тѣмъ, какъ упражняютъ дѣти свои внѣшнія чувства, какъ они пользуются ими, должны руководить упражненіями ихъ чувствъ, устранять, не доводить малютокъ до злоупотребленій, или ихъ искаженій.

Первое чувство, на развитіе котораго воспитатели должны обратить свое особенное вниманіе, есть чувство зрѣнія. «При упражненіи зрѣнія, говорить Бокъ, должно развивать не только способность видѣть близкіе и отдаленные предметы ясно и отчетливо, но и зоркость глазъ, быстроту взгляда и способность смотрѣть на предметы продолжительное время. Поэтому весьма хорошо, если мать, отецъ, или воспитатель, во время прогулокъ, заставляютъ ребенка всматриваться въ близкіе и отдаленные, большіе и малые предметы, и слѣдить за ними взо-

рами, или если они приучаютъ его со вниманіемъ разсматривать отдѣльные, небольшіе предметы, напр. игрушки, картины, растенія и проч. съ разныхъ сторонъ и на различномъ разстояніи. Отъ подобныхъ упражненій глазъ дитяти до того изощряется, что оно весьма скоро научается узнавать видѣнные имъ предметы при самомъ поверхностномъ взглядѣ. Само собою разумѣется, что эти же самыя упражненія могутъ и ослабить глаза, — это зависитъ совершенно отъ того, когда и какъ долго ихъ, каждый разъ, производятъ. — Для развитія слуха должно обращать вниманіе дитяти на близкіе и отдаленные звуки и на направленіе ихъ, учить его различію между высокими и низкими, чистыми и фальшивыми тонами, и стараться возбудить въ немъ охоту къ музыкѣ и пѣнію. — Обоняніе такъ же можно, но осторожно изощрить посредствомъ упражненія, т. е. упражняясь въ распознаваніи различныхъ веществъ по запаху. Тонкое обоняніе доставляетъ намъ не только много удовольствій, но и пользу; ибо предостерегаетъ насъ отъ вредныхъ газовъ и т. п. Чувство же вкуса, совершенствующееся исключительно вслѣдствіе вкушенія разнообразныхъ веществъ, не должно развиваться рано; Это поведетъ только къ страсти лакомиться и прожорству (1). Осязаніе, сосредоточенное преимущественно въ оконечностяхъ пальцевъ, слѣдуетъ такъ же упражнять

Здѣсь не лишнее сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно ѣды: не нужно какъ потворствовать вкусу дѣтскому, такъ и насиловать его, хотя нужно поставить за правило изгонять изъ дѣтскаго стола все изысканное, неудобоваримое и прихотливое, льстящее только чувствительности и здоровую пищу подавать дитяти въ опредѣленное время. Послѣ ѣды, съ раннихъ поръ приучать дѣтей вымывать ротъ и по-лоскать зубы, но недопускать ихъ до излишняго ухода за зубами и до вывирднн ихъ.

въ различіи горячихъ, острыхъ, шероховатыхъ, гладкихъ и холодныхъ тѣлъ. Въ послѣдствіи эти упражненія производить систематически, т. е. заставлять дитя съ закрытыми глазами узнавать различныя тѣла посредствомъ осязанія. — На развитіе общей впечатлительности (способности ощущенія) слѣдуетъ впрочемъ обращать осторожное вниманіе, преимущественное же приучать дитя къ преодолѣнію не пріятныхъ ощущеній. Весьма сильно въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ на него примѣръ самихъ родителей, ибо, по свойственной ему подражательности, оно безсознательно усвоиваетъ себѣ все, что только видитъ отъ другихъ, будь это хорошо или дурно, даже обычное расположеніе духа взрослыхъ невольно отражается и на дѣтяхъ ихъ. Поэтому, въ присутствіи дѣтей, не должно обнаруживать отвращенія отъ какихъ либо животныхъ, не приходить въ ужасъ и не терять присутствія духа при какомъ либо неожиданномъ случаѣ; не соболѣзновать о дитяти, когда оно ушибается, или упадетъ и т. п. гораздо лучше казаться ко всему равнодушнымъ и неизмѣнять обыкновеннаго обращенія съ дитятей.

За развитіемъ высшихъ чувствъ, или совмѣстно съ нимъ, должно обращать вниманіе на развитіе въ дитятѣ и внутренняго духовнаго чувства. Последнее должно предшествовать знанію. Чувство, въ дѣтскомъ возрастѣ въ рѣшительной противоположности съ знаніемъ. Только развитіе чувства сообщаетъ всей дѣтской натурѣ полноту, гармонію и жизненную поэзію (1). Дѣти ненавидятъ діалекти-

(1) Несомнѣнъ, говоритъ одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ критиковъ отечественной литературы, взрослый человѣкъ, который все великое въ жизни истряетъ

ческія тонкости умозрительныхъ опредѣленій, какъ и все наводящее скуку, все сухое и мертвое. Неприступая къ ознакомленію дитяти съ буквами, словами и съ священною исторією и т. п., нужно обращать серьезное вниманіе его на природу и, въ ней и чрезъ нее, показать ему Бога Верховнаго, преблагаго Отца всѣхъ. Вотъ, начало развитія религіознаго чивства. Избѣгая разсужденій съ дитятею о свойствахъ Божіихъ, особенно воздерживаясь отъ уродливыхъ изображеній (бывшихъ особенно входу, общераспространенныхъ у насъ, кажется—и теперь на Руси) Правосуднаго Бога, лучше всего приучать дитя смотрѣть на Бога, какъ Вседержавнаго Отца, безконечно любящаго дѣтей и всѣхъ, которыхъ онъ создалъ для блаженства, и блаженство которыхъ испыталъ своимъ мученіемъ и смертію на крестѣ. Сама природа особенно, и болѣе всего, богата на указанія и проявленія безконечной благодати Творца и Промыслителя міра. Дѣти должны быть такъ научены смотрѣть на окружающій ихъ міръ, чтобы вездѣ и повсемъ имъ «видима была присносущная сила» всеблагаго Божества, а не грознаго Мздовоздателя и Судіи міра. Воспитатели должны вмѣнить себѣ въ священную обязанность раскрыть нерукотворенную книгу природы и прочесть всѣ три тома ея, познакомить съ тремя ея царствами (1) дѣтей, не

завѣскимъ аршиномъ своего разсудка, и о религій, искусствѣ и званіи разсуждаетъ какъ о посѣвѣ хлѣба, паровыхъ машинахъ или выгодной партіи: Еще болѣе отвратителенъ ребенокъ резонеръ, разсуждающій, не умѣя мыслить.

(1) Отсюда понятна вся важность образованія какъ для отца, такъ и для матери. Благословеніа будущихъ поколѣній достойны тотъ, кто положилъ основаніе женскому духовному училищу въ нашемъ губерискомъ городѣ. Да будутъ же благословенны и припоминаны въ сердцахъ ревнителей вѣры и покровители и благотворители и просвѣщенные наставники этихъ будущихъ матерей!..

умѣющихъ еще читать по рукотвореннымъ книгамъ; они должны указать дѣтямъ Всеблагаго Бога въ земномъ шарѣ, съ его безчисленнымъ и разнообразнымъ населеніемъ и обширными пустынями, съ его сушею и океанами, показать имъ свѣтлый Божій міръ въ картинѣ человѣческихъ племенъ и обществъ, съ ихъ нравами и обычаями, съ ихъ понятіями и вѣрованіями, — и дѣти увидятъ Творца въ Его твореніи и возлюбятъ Его и возблаженствуютъ этою любовію. Нужно только одушевить для дѣтей весь міръ и всю природу, нужно заставить возговорить для нихъ языкомъ любви и жизни и нѣмой камень, и раскаты грома, и полевую былинку, и зелень лѣсовъ, и журчаніе серебристаго ручейка, и шумъ изумруднаго моря, и тихо вѣющей вѣтерокъ, и потрясающій ревъ бури, и порхающую по цвѣтамъ бабочку, и рыкающаго въ раскаленной степи льва, и ясную лазурь неба и сумрачную свинцовооблачную твердь, и ослѣпительный блескъ солнца и ночную осеннюю мглу ... И дѣти увидятъ и услышатъ Того, о Комъ все мы движемся и есмы, возлюбятъ Его всемъ чистымъ сердцемъ своимъ, возблаженствуютъ этою любовію и привлекутъ къ участию въ этомъ блаженствѣ благочестивыхъ и разумныхъ своихъ воспитателей, и послѣдніе невольно увлекутся, сами поживутъ еще разъ дѣтскою незабвенною жизнью: Да, знакомя дѣтей съ безконечно разнообразнымъ содержаніемъ окружающаго ихъ міра, вводя ихъ въ рукотворенный храмъ природы, не закрывающійся и въ задумчивомъ величій наступающей ночи, гдѣ все живо и безмолвно-краснорѣчиво говоритъ ихъ юной и свѣжей душѣ о неизреченномъ величій прееблагаго Соз-

дателя, воспитатели самымъ вѣрнымъ и не замѣтнымъ образомъ утвердятъ въ сердцѣ малютокъ страхъ Божій, сыновнюю боязнь оскорбить Отца Небеснаго, Преплагаго и Вселюблющаго. Дѣти опытно, инстинктивно и живо уразумѣютъ, что этотъ страхъ — для нихъ начало премудрости, основа поведенія ихъ, отношеній ихъ къ людямъ и ко всему міру... Они сами, подобно природѣ, исполнятся животворящей и благовѣйной любви, и какъ бы ни сложились обстоятельства дальнѣйшей ихъ жизни, въ какихъ бы ни очутились они положеніяхъ, куда бы ихъ ни забросилъ жизненный жребій, не погибнуть они подъ бременемъ сомнѣній учености и заботъ мелкой ежедневности, — впечатлѣнія нѣжнаго-ранняго возраста поддержать ихъ на скользкомъ и тернистомъ пути, ведущемъ въ царство небесное. Созерцаніе міра сквозь призму любви Божественной возбудитъ въ юномъ сердцѣ малютки уваженіе къ имени человѣческому, Божественная любовь, постигнутая чистымъ сердцемъ дитяти въ твореніи, произведетъ въ немъ безконечную любовь и безграничное уваженіе къ человѣчеству, въ лицѣ даже послѣдняго изъ его членовъ. Дитя, наученное съ раннихъ поръ читать въ книгѣ природы изображенія неизреченно-благихъ отношеній Творца къ міру, сдѣлается доступно всякому благому человѣческому чувству, всякой человѣческой животворной мысли. Это теплое чувство дѣтства неподдается бремену годовъ и желѣзнымъ заботамъ жизни, до гробовой доски сохранится въ дитяти любовь и снисхожденіе ко всѣмъ возрастамъ, съ кроткою улыбкою удовольствія, оно, даже въ качествѣ убѣленнаго сѣдинами старца, будетъ смот-

рѣтъ на шаловливую юность, и при охлажденной крови, у него истечетъ слеза умиленія отъ пѣсни, отъ стихотворенія, отъ повѣсти... Это чувство, въ миллионъ разъ лучше, чѣмъ глубокомысленнѣйшія назиданія, предохранить дитя въ дальнѣйшей его жизни отъ сомнѣній разочарованной юности, увядающей не разцѣтая, отъ пошлаго резонерства и черстваго практицизма лѣтъ возмужалости, отъ сухости, омертвенія, отъ одеревяненія сердца въ годы удрученной и надломленной старости (1).

Итакъ вотъ на что лучше всего употребить родителямъ первые годы полусознательной жизни своихъ дѣтей, — на пробужденіе, развитіе и укорененіе въ ихъ невинномъ сердцѣ благодатныхъ даровъ любви Божественной, по всюду вѣющей жизнию и подъ тропиками и у полюсовъ, на землѣ и въ нѣдрахъ ея, говорящей ежедневно душѣ юной и свѣжей и въ торжественномъ великолѣпіи возстающаго дня и въ задумчивомъ величіи наступающей ночи....

(Продолж. будетъ).

(1) А кому болѣе всѣхъ погрѣбна любовь и благоснисходительность, какъ не будущему общественному служителю Бога любви и неизмѣрнаго долготерпѣнія!..